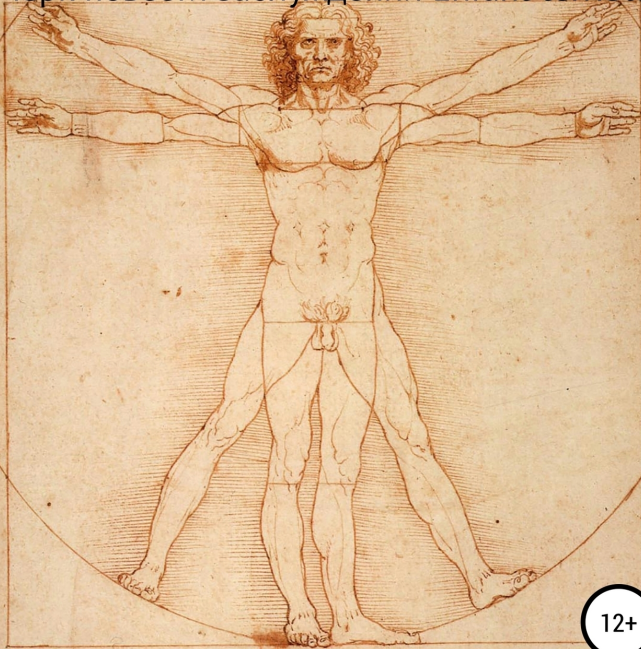

Как цветёт миндаль

Очерк повести заблуждений *Enfant terrible*

12+

Константин Балабушевич

Константин Сергеевич Балабушевич

Как цветёт миндаль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39844091

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть заблуждений *Enfant terrible* – так самоопределяет автор, развернувшуюся на страницах книги фантазмагорию. Игнорируя чёткие грани между сном и реальностью, фантазией и знанием, душой и телом, пределы родного города расширяются в пространстве и времени, представляя своим гостям калейдоскоп разной степени известности и убедительности исторических образов и риторических мыслей. В таком контексте личности обыкновенная прогулка по Москве оборачивается не совсем вероятным путешествием. Америка, Африка, Таджикистан... все с гостеприимной любовью хотят помочь ищущему светлых истин путнику приоткрыть завесу таинственных красот. В добрый путь!

*«Но смеётся текущее поколение
и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений,
над которыми также потом посмеются потомки.»*
Н.В. Гоголь «Мёртвые души»

Глава I «Плоды»

Любовь, однажды я пытался нарисовать любовь...

Но взирая на чистый лист бумаги, она лукаво улыбнулась
мне,

Тогда я решил рассказать о любви!

Оставаясь безмолвным, она сама говорила во мне.

Неужели и в этой игре я не смогу её отыскать!?

Мечась из стороны в сторону, звучало лишь смешливое
«холоднее, совсем холодно» ...

Любовь! Мне, наконец, не нужно доказательств.

Теперь я чувствую, я понял... В Нас она.

Редчайшая спутница современного городского жителя,
принимаемая вернее за недуг и предвестник... нет, не душевного откровения (ведь ангелы, поговаривают, здесь больше не живут) ... нравственного очевидно расстройтва – *экзальтация*, в своём, то ли творческом, то ли психическом суверенитете, привела меня к такой поэтике, потребовавшей ни много ни мало целого манифеста. Ибо о счастье, пусть и в обличие болезненного откровения, необходимо заявлять.

При этом только завершённая композиция схватывает и трансформирует летучие фантазии в жизненную историю. Для чего следовало бы содержанию придать определённую форму.

Музыка! – Воскликнул я. – Именно она сможет сделать этот призыв убедительными гармоничным. Мгновение задумчивости спустя:

Пааа-ба-ба, па-ба-ба-ба-ба-бааа-ба-ба,

Па-ба-бааа...

Зазвучало в моей голове, помогая губам шептать в интервалах прозу. «*Jo Dassin позавидовал бы*» – думаю так назвал бы этот этюд, человек знакомый с основами самоиронии.

Музыка, изобразительное искусство, литература... Потребительское творчество призвано работать с чувствами и эмоциями «зрителя». Но как же заманчиво, порой, самому подсмотреть, как же эта всегда молодая чета (чувства и эмоции) исправно рождает близнецов, двух девочек – вдохновение и идею; передаваемых, в свою очередь, на попечение юношей – таланта и интеллекта. Мы же сами, являясь носителями и опекунами этих начал, заботливо пытаемся усмирить бушующие внутри страсти, страшась всего неизвестного, непонятного, неудобного и некапитального. Тем самым ограничиваем собственную творческую свободу, усиливая общее состояние разочарования от бесплодности чувств и меланхолии интеллекта. Научиться видеть вокруг себя, анализировать приходящие факторы, оценивать дей-

ствительность, проводить due diligence (буквальный перевод с английского – должная добросовестность; по существу, представитель финансовой терминологии) предстоящих решений и влиять на происходящее – приоритетная и, надо заметить, вполне посильная задача. Основной же помехой на таком конструктивном пути выступает не конкуренция, не общественные связи, не пресловутая удача, не даже лень и косность мышления, а буквально мы сами – наш «бедный» и разочарованный внутренний мир, не требующий, кстати сказать, в рамках мнимой добродетели, дотаций и вспоможения у развитой экономики, в образе материального благополучия. Уязвлённая гордость отверженного здесь не причём. Как и недостаточно совершённой сделки с совестью, которая своеобразным «Гоголевским Ревизором», с наивной простой и чарующей непосредственностью определяет слабости в «новой обстановке» и смело берётся исполнять трагикомичную пьесу. Её незамысловатый, но глубокий сюжет способен здорово и основательно развлечь, превратив самолюбивую персону в строжайшего либо невротичного критика. Но сомневаться не приходится, в том, что совесть способна легко и игриво выдерживать любые честолюбивые нападки – так не успеешь и заметить, как умерив свой самокритический пыл, самовольно и с комфортом расположишься в роли обыкновенного ничего толком не подозревающего зрителя, причём своей же собственной судьбы. Воля и сокровенные идеалы, стремительно теряют свои силы и осно-

вательность, когда в происходящем перестаёшь узнавать самого себя. Между тем, внутри нас целый Мир, страдающий от неразделенной, а вернее нереализованной Любви. *Только лишь влюблённый имеет право на звание человека?* Если не ограничиваться в осмыслении любовных переживаний междоусобными, или лучше сказать, столкновениями между особями, стоит признать основательность *выставленного Блока*, нападкам на счастье активного самосознания. Не раз наталкиваясь на подобное поэтическое и романическое «препятствие», тоскливо и сам узнавал себя беснующимся среди несовершенного вида за преодоление статуса недочеловека. Как же иначе!? Высшая идея, высшая мысль, высшее чувство – все эти *несказуемые* идеалы формируются с рождения в каждом из нас неизведанной, но всеобъемлющей Любовью. Но на поверхности, в миру, это звучит, конечно, дико примитивно и непрактично. Поэтому получение и познание плодов этой Любви в реальной жизни практически недоступно. Ведь сначала чудо, а затем уже, пожалуй, и вера – такую последовательность мы выбрали, правда же? Если доказательства существования совершенной энергии любви находятся где-то в области веры и непонятных, неконтролируемых проблесках одухотворения...если в таком мировосприятии и самосознании кроется пресловутая свобода, преподанная нам посланником вседержителя... К чёрту тогда, наверное, все эти внутренние переживания и поиски мнимых совершенств. Лучше, видимо, сосредоточиться

на рациональном развитии и соответствии обществу. Остаётся довольствоваться, а не удивляться редким проявлениям «неистового» вдохновения, когда поступки, слова, любые движения тела и мысли граничат с гениальностью; усталость совершенно забыта, а в сложнейших технических приёмах сквозит невыразимая лёгкость. Ведь, мы с удовольствием назовём эти проявления плодами нашего собственного труда, но... Чтобы таковыми являться, необходимо постоянство «урожая». Неповторимость же, это отклонение.

Подобные отклонения, как и проблески таланта, всё же приводят к нам подругу веры – надежду, которая всем своим, честно говоря, весьма посредственным очарованием, уговаривает заглянуть внутрь себя, рассмотреть, познакомиться и, может быть даже, подружиться с самим собой. Да, явятся наравне с сильными, и слабые стороны личности, но всё же, явятся в рамках гармонии, для балансировки своих активов и пассивов. Пожалуй, лучше развивать свои преимущества, нежели тратить последние силы на сокрытие своих недостатков и страхов, словно убытки в бухгалтерском отчёте, которые, стоит отметить, никуда не пропадут, и, так или иначе, в будущие периоды их выявить нарастающим итогом придётся. Поэтому не нужно сразу паниковать, когда у финансового контроля и экономического анализа остаётся одна лишь надежда – стоит прислушаться, так как впереди не только неприятности, но и пути искупления.

Признаюсь, верю я себе, что мысль приведёт к откровению и главной идее жизни, но верую со страхом – то ли боюсь «спугнуть» одухотворение, то ли сомневаюсь в своей состоятельности, а быть может и в самом существовании истины. Вера и страх стали неразлучны, поэтому избавившись от второго, боюсь, потеряю и первую. И может быть, придёт время быть разбросанными на полях решающих битв этим своеобразным щитам и мечам, но только не сегодня. Ещё послужат, ещё позволят сражаться и совершать ошибки, причинять боль и разжигать страсти, заменять покой усталостью. Но ведь это необходимо, дабы пройти путь. Какой? Не знаю. Для чего? Не ведаю. Просто ощущение неуёмной жажды, словно с каждым днём иссыхает внутренний источник любви, превращая реальную жизнь в чёртово похмелье. Правда, собственное злорадство исправно находит поводы для веселья в таком состоянии, подливая масла в огонь. Да и тошнота, по правде, меня уже не пугает, ведь лет, застолий и приключений набралось уже порядочно. Поэтому от похмелья перейдём к творчеству...

Как же важно каждому из нас конвертировать свои переживания в мелодию, строку, рисунок, мысль. Нет, не для того чтобы увеличить экспозицию некоего культурного центра или попасть в «пантеон» великих творцов. Цель не столько в создании культурных гарантий защиты психического

здоровья человека, сколько в постепенном изменении сознания, развитии ценностных характеристик, за счёт соединения внутреннего состояния и внешних проявлений, гармонизации чувств, мыслей и действий. Между тем, чувствуем одно, думаем иное, а ведём себя в соответствии с обстоятельствами места и действия, а не производными собственных чувств и, зачастую, мыслей. Можно даже посоветовать ни в коем случае не требовать от окружающих правды и абсолютной искренности в поведении, предупреждая совершенно неуместные, в лучшем случае комичные (в лучшем – это когда не касаются непосредственно твоей персоны), а порой и потенциально «уголовные» откровения. В цивилизованном обществе правда становится безответственной, уступая первенство пользе. Во имя пользы общественного или личного блага, предрассудок шлифует чувства, а рассудок мысли – так продукт, прошедший огранку, хорошо продаётся. Во всяком случае, чаще всего правдой становится именно то, что мы хотим услышать. Остальное же проще счесть за недопонимание, фальшь или, на худой конец, самодурство и прегрешение. Так ведь и я, сказать по правде, полюбил говорить людям именно то, что они хотят услышать. В качестве же оправдания уповаю не на плебейское начало, а на своеобразную форму благотворительности. Но ведь оправдания служат в пользу бедных!?! Бедных здравым умом, в данном случае. Ведь резонанс таковой благотворительности является самолюбивая, а значит, подслеповатая вера в особое до-

стоинство и в принадлежность к необыкновенным людям, которым не подходит общая колея развития и поведения, да и законы общественные которым не писаны. Не то чтобы воображение будоражит «*Раскольниковский прецедент*», но в условиях настоящего, создавать собственную картину мира, несносный внутренний ребёнок всё-таки требует. А для этого необходимы не богатые родители, а иллюзорные совершенства и очарованные поклонники. Попытки заставить же этого *Enfant terrible* (фр. – капризный, избалованный, несносный ребёнок) вести себя *Comme il faut* (фр. – как подобает, приличественно) общим взглядам на порядочную жизнь, похожи на лицемерное подражание мнимым добродетелям благородства и роскоши французского двора. При этом «поскребите любого русского, и увидите татарина» – остроумно замечет французский фольклор. И эта уничижающая *Von mot* (фр. – острота) заслуживает, в первую очередь, персонального осознания, а не национального оскорбления и праведного славянского возмущения. Дело совершенно не в том, что русские – бесталанные подражатели, а татары малообразованные дикари. Все друг друга стоят, вне зависимости от этнической природы или религиозной принадлежности. Суть в трагическом комизме бессознательно-го, а в отдельных случаях «продвинутых» людей, и осознанного лицемерия. Для всех верований это едва ли не «верховный» грех, требующий незамедлительного раскаяния, исповедания и искоренения; для науки, в лице психологии – ко-

гнитивный диссонанс, требующий если не консонанса (соответствия), то по крайней мере, снижения дискомфорта; для жизни же – норма. И если за прихожан и пациентов, по идее, переживать не стоит, ведь им помогут найти лазейки, чтобы оставить всё как есть, но ощутить удовлетворение, то светские вольнодумцы призваны и дальше мучиться просто, либо мучиться в поисках ответа на вопрос, реален ли облик современного успешного человека без чар лицемерия. Но какие же удовольствия без греха?

Секунда оцепенения, дрожь, первичное ощущение тревоги, сменяемое блаженством пробуждения жизни (подобную композицию чувств на физическом плане может даровать утренний ушат ледяной воды, вне всяких образных, а напротив, в буквальных, выражениях). Сердце совершенно точно поменяло не только свой привычный ритм, но и амплитуду. Опустошение, некое даже «райское оупение первородной радости», приоткрывающее пред тобой врата вечности... Что же там? Благодать? Истина? Свет? Не узнать, ведь уже всё естество пронизывает острое ощущение потребности к действию. Мышцы напряжены в уверенной судороге. По ветвистой системе сосудов, по развязкам жил бежит уже совсем иная кровь. И почему-то я уверен, что знаю её... знаю без сомнения... да, это «*кровь французской революции*».

Приглядевшись, узнаю себя идущим в пределах любимых улиц. Прислушавшись, нахожу всё тот же немой шум городского хозяйства. Но при этом что-то разрывает привычную действительность, отрывает от делового забытья и наполняет пространство новым, а вернее просто иным, смыслом... Громоносные призывные звуки *La Marseillaise* (гимн Французской Республики «Марсельеза») победоносно разносились по уютной московской улочке, и далее, не останавливаясь ни перед чем, порабощая все просторы, прекрасных, своим вечно молодым стилем, Патриарших прудов. Подстать сумасшедшей фантазии, мне потребовалась жертва, которая станет виновницей такого патриотического диссонанса и, хоть сколько-нибудь, оправдывает мою адекватность, подтвердив подходящее алиби моей, несколько растерянной, гражданской ответственности. По счастью, далеко идти, во всех смыслах, не пришлось. Вина пала на прихоть средних лет француза – экспата, который, подобным патриотическим воззванием, салютовал стремительным завоеваниям потребительских сердец своего нового (вероятно, концептуального, но, на первый взгляд, обыденного) уютного кафе. По крайней мере на миг, абсолютно точно, музыка завоевала пространство, мысли и чувства... мои, а значит и случайных и не очень прохожих, пробуждая подсознательную романтическую ностальгию по XIX столетию и обвиняя в недосказанности текущих дней, взывала к реакционерству. И вот уже автор Марсельезы призывает «*Liberte*

cherie» (фр. – дорогую свободу) к борьбе на стороне её защитников...

Жизнь есть сражение за свободу и битва за идеалы, в рамках вечной войны за счастье. Я лишь надменно улыбаюсь: Господа французы – революция? Я вас умоляю – у нас с Блоком есть свои методы достижения гармонии:

«...А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой более,
С тех пор, как запил я!»

Теперь, раз уж состояние моё и моих мыслей стало чуть, если не яснее, то, оправданнее, продолжим сей «воинственный» поход. А под аккомпанемент непрекращающегося марша, вновь причудливо смешаем суровую действительность и капризную фантазию. Так, шествуя вдоль транспортных путей и застигнутый врасплох то ли трамвайным, а вернее велосипедным, звонком, я был попросту обречён, в выброшенном «на булыжный откос круглом тёмном предмете», узнать голову председателя правления МАССОЛИТа. Женские крики, санитары, полиция, погоня – всего этого, сказать по правде, не было. Во всём городе, в тот момент, звук был совершенно выключен. И я спокойно, хоть и с любопытством, наблюдал за тем, как тот самый давешний француз, с удивительно характерной горделивой грацией, присущей в совершенстве, пожалуй, только представителям Пятой Республики, поднимает этот предмет и уносит в свои чертоги...

Наверняка, новоиспечённый Воланд, шутя над неверием ни в бессмертие, ни даже в дьявола, этого «светского нигилиста», сей же час, превратив отсечённую голову в череп, отдаёт вина. Безусловно французского. Как результат трудов и заблуждений своих предков. Да, весьма специфический ку-паж...

При всей своей фантазмогоричности сюжета, воспоминания о «Мастере и Маргарите» поразительным образом возвращают к жизни, словно после простой потери сознания или даже комы. Правда, возвращение это, схоже с ужасным пробуждением Понтия Пилата, когда на смену манящему забытию приходит острое понимание большого порока, трусости, неизбежности казни, в конце концов, а тяжёлая головная боль отзывается ненавистью к окружающей действительности. Но самое удивительное, что после «всего» становишься... счастливее. Конечно, это не ново, что человек заслуживает своего счастья страданием, а боль и грусть, при этом, охотно сопровождают широкое и вольное сознание. Страдания – есть великий учитель. Но только ли великим людям мучения положены как неизбежный приговор?

Гений. Какая дивная природа, сколь тонкая психическая энергия владеет избранными людьми. Как же афористичен Б.П. Пастернак, охарактеризовавший Михаила Афанасьевича Булгакова «явлением незаконным». Насколько это возвышеннее, весомее, понятнее, нежели дипломатический штамп – «выдающийся человек». Таинственным беззакони-

ем, протекающим вне настоящего, прошлого и будущего времён, отличительна и Москва – как место сосредоточения всевозможных энергий. Этот город обуславливает мистическую связь Михаила Булгакова и Николая Гоголя, демонстративно указуя на единую природу источника и устья гениев, невзирая на разбросанные во времени и пространстве русла их жизней.

Тем временем, под властью воспоминаний, с азартом перечисляя названия произведений авторов, словно посмертных регалий, «провидение» застало меня во дворе дома № 7 на Никитском бульваре, в камине которого, так и не смогли найти покой «Мёртвые души». Воланд не дал пропасть в огне времени, истории о судьбоносных откровениях прокуратора Иудеи, что же говорить о «биржевых спекуляциях» Чичикова с куплей-продажей умерших душ. Только одно – да что там рукописи, такие ценные бумаги не горят! Придётся отметить, что дьявол великолепный критик, блестящий цензор, избирательный архивариус художественного наследия, и самый лучший редактор наших творческих затей – являясь свидетелем либо продюсером всех значимых событий человеческой истории, поражает исключительной честностью в своей иронии к людям и их произведениям. Никогда не врёт и блестяще шутит – это же грандиозно и похоже на идеал. Но ведь и у зла есть подобные примерные проявления. И у зла есть чему поучиться, а в иных случаях лучшего учителя и не сыскать. Так для похода за истиной приходится от-

крывать границы добра и зла, преодолевая весь путь от глубин грехопадения до вершин Матери Мира. Но к чему приведёт путешествие от безверия и богохульства до любви к Богу и всему живому, неся за спиной из всего необходимо-го лишь крест человеческих пороков и заблуждений? К просвещению или разочарованию? Да, ни они ни мы «не ведаем что творим», но разве это может стать причиной прощения, а индивидуальное самопожертвование поводом к массовому спасению? И почему в некоторых героях мы видим не художественный блеск ореола величественности, не одухотворение и всепобеждающую благодать, а нечеловеческую скорбь и страдание за грехи соплеменников? Скажем, что это проблема самих гениев и следствие специфики избранного пути. Разве мои грехи и слабости стали причиной болезни, в которой Гоголь до сих пор пребывает на своём гранитном постаменте во дворе одного из центральных районов города? Или может изощёренное самодурство блестящего архитектора Андреева обличило великого писателя в страшный образ несчастного мизантропа? Разве от нас негодных, Николай Васильевич пытается отгородиться своим плащом, под тяжестью которого обречены и спина, и плечи маэстро? Тем не менее, сей образ продолжает находить сочувствие, волновать и пугать многие удивительные натуры. Конечно, и в перманентном страхе Кобы (Сталин И.В.), при малейшем взгляде на этот монумент или даже логистическом приближении к нему в моменты «патрулирования» своей вот-

чины, стоит уловить определённый смысл священного ужаса, неподвластного вождю. О такой силе нечего было и мечтать, так как её природа располагала просторами страха духовного, а не физического. Солидарность же, близость духовная и интеллектуальная, по «праву дарования», принадлежит М.А. Булгакову:

«О, Учитель, укрой же и меня полой своей чугунной шинели!»

Эпитафия сочувствовавшим: «Одна шинель, как и голгофа, на двоих». Схожий очертаниями с местом казни Иисуса Христа, гранитный монолит, прибыл из Крымских земель, чтобы стать поочерёдным надгробием двух «незаконных явлений» русской литературы. Эта заупокойная голгофа словно примирила эти явления с Богом, но не красотой символизма и всеобщей любви, а безутешной болью и острой скорбью за всё человечество. Обнажив пороки, слабости и низкие страсти; выявив злость и жажду примитивной силы, как защиту и маскировку своих несовершенств, был пройден нециклический эволюционный путь в изучении природы человека: ирония, сарказм, затем боль, опустошение и, наконец, разочарование.

С грустью думая об этом объединительном символе, вспоминаешь не об истории жизни и творчества писателей, а о самом знаменательном, самом *фундаментальном разочаровании* за всю историю рода человеческого, тонко прочувствованном и мастерски переданным потомкам великим Леонардо да Винчи в «Тайной вечере». Театральная сентенция «Истинно говорю вам, что один из вас предаст меня», остаётся в уме, как неотъемлемое условие уравнения жизни, в то время как перед зрителями предстаёт вся палитра реакций и чувств человеческого существа на сказанное предзнаменование – в этих двенадцати апостолах запечатлён весь наш род человеческий. Среди них каждый способен отыскать свои слабости, узнать самого себя, ужаснуться и почувствовать себя виноватым. Иисус, конечно, ошибся, так как судил о нас по собственному сердцу. Нам не нужна Твоя свобода, через которую можно открыть в себе чистый источник любви и божественной энергии. Нам это, по правде говоря, и непонятно даже. О бессмертии души мы способны, разве что, задуматься, с целью изощрения ума, в рамках фольклорных и исключительно факультативных поисков смысла жизни. Нам нужны и даже дороги наши грехи. А отпускать их мы научились себе сами. Свобода же и беспристрастная совесть смущают наш ум и неизведанную душу так, что страх неизвестности заставляет нас стремительно отдаваться во власть привычных обстоятельств, подчиняться более сильным и очевидным тенденциям. В них награды ощутимее, трудозатра-

ты доступнее, а ценообразование яснее ясного.

Поэтому и теряет вкус к жизни именно он, Иисус, а не мы, ему до конца не поверившие. Предаваясь небесной меланхолии, Леонардовский Иисус даже не удостоивает нас своим укоряющим или умоляющим взором. Нет, в эту секунду ему не до миссионерства. Подумать только, святая сила разочарования – не мы познаём её через Пророка, а он через нас. Испытать разочарование находящемуся в истинной любви, мы не пожелаем даже врагу; а Пророку – извольте. Недругов бояться глупо – настоящие страдания приходят от самых близких. Но как стоит на это реагировать? Бороться? Негодовать? Исправлять? Что нам на это скажет сам миссия?

Любая, хоть сколь-нибудь, талантливая картина, если это не *nature morte*, не является вырванным из контекста «стоп-кадром», а напротив историей – целой жизнью и, такой же целой, смертью. Скажем, справедливости ради, что даже мёртвой природе, порой, есть что сказать человеку. Остро сюжетные, драматические, трагические, иронические сюжеты доступны не только на экранах кино, но и в отражениях художественных полотен, проекции которых, магическим, в отличие от «киноплёнки», образом, отправляют зрителя в путешествие во времени и пространстве, с багажом бесконечных образов, судеб, выводов. Нет ничего удивительного в том, что, отправляясь на «Тайную Вечерю», казалось бы, известный исторически, но при этом полемически активный сюжет, подарит тяжелую по сердцу и уму интригу. Как отреа-

гирует Иисус на предательство, и какая реакция последует за разочарованием во всём роде людском... Не выстроится ли ещё выше стена, отделяющая сознание человеческих чувств от веры в святые истины, не скуёт ли окончательно цепь противоречий и сомнений зачатки понимания свободы...

Дико современному реалисту сталкиваться в сей сценической кульминации со смирением. Неужели именно это называется истинным *катарсисом*, сопереживанием высшей гармонии с воспитательным последствием!? Ведь это древнее греческое слово ассоциировалось у нас скорее со своеобразным оргазмом, пусть и эмоционально-творческого, а не полового, по образу и подобию, акта. Но нет – извращённые чувства с разумом, как бы не сопротивлялись, всё-таки могут прийти к сочувствию и сопереживанию, дабы не пропустить, в своей бездарности, эпилог вечного сюжета.

Миссия не индивидуализирует Иуду, не персонифицирует зло, не требует кровавой вендетты, не добивается статус-кво (возврата к исходному состоянию) своими способностями к чудесам, и, уж тем более, не причитает, поддавшись минутной слабости, так как это только ещё более растравляет и надрывает сердце. Такое горе ни утешения, ни причитания, ни причастия, ни чудес не желает, а напитывается чувством своей неутолимости. Это лишь мы – слабаки, причитаниями и жалобами, имеем страстную потребность раздражать душевные и физические раны, а заодно и своих близких. Наш же Великий Мученик предаётся небесному сми-

рению, а заодно и воле Бога-отца, что по светскому *остаточному принципу* именуем жертвой. Не мог Иисус Христос поступить иначе, ведь это вся его суть, в этом вся природа *психологической структуры его личности* (целостная модель, система качеств и свойств, которая полно характеризует психологические особенности индивида). Это не было интеллектуальной самоотверженностью героического поступка мудреца, просчитавшего последствия своей жертвы. Это пример альтруизма не идеологического, а скорее духовного. Великая и, как водится, в нашем мире примитивных интерпретаций, ужасная демонстрация *эгоизма праведного*. Да простит меня за такой вывод Огюст Конт – согласен, что корреляты между альтруизмом и эгоизмом необходимо изучать с позиции позитивизма, но разве вся (конечно, не без исключений) новозаветная история жизни Иисуса из Назарета не являет собой позитивизм? По крайней мере, возвращаясь к эгоизму, скрывать, маскировать, контролировать его «уровень» едва ли продуктивно – при этом обязательно завещано опытным путём изучить величину и области его гиперактивных проявлений, выявить сильные и слабые стороны его руководства, степень и частоту необходимых прегрешений в рамках социальной, так сказать, ответственности. Далее выстроить равновесие с интеллектом, психикой и внешним обликом, и надеяться, что из этого получится «хороший человек», как бы кто не характеризовал это понятие. Эгоизм не только не помешает, но может даже поспособствовать пони-

манию и чувству не только персональной ответственности за самого себя, но и общечеловеческой за всё происходящее, как прекрасное, так и чудовищное. Мы не зрители шедевра Да Винчи, мы непосредственные участники.

А как же, тем временем, апостолы? В их поведении, в их лицах, мы видим всю палитру базовых реакций сознания, стоящих на страже наших слабостей и страхов: неверие святого Фомы, отрицание святого Иакова, эгоизм юного Филиппа, удрученность святого Иоанна, подозрительность святого Петра, ужас святого Андрея, подлость Иуды...

Никто не признаёт вины. Не берёт ответственность. Не созидает. Только реагирует, спорит, удивляется, требует доказательств, причём прежде всего в своей невинности, а затем, с «чистой» очевидно совестью, повелевает растерзать, наказать жертву. Вот и призван оказался Иисус в назидание стать необходимой искупительной жертвой. Но стал ли, в действительности, сей поступок, таковой? Со временем, чередуя поколения с убийственной закономерностью, не превратился ли святой сюжет в простую историю, соизмеримую (в лучшем случае) по назидательности любой другой индустриальной сказке. Для Иисуса свой жизненный путь не воспринимается жертвой, так как «спродюсировать» последнюю может только чудовищная гордость, ему не присущая. Многие же из нас с вами воспринимают знаменитую смерть, как должное, а дивное воскресение, как ложное. «Отче! прости им, ибо не ведают, что творят!». Так ли, что не ведаем?

Ведь «ты» примером своей жизни всё показал нам и представил. Ты прошёл три испытания в пустыне от злых, но прямолинейных, в своем коварстве, духов, устояв пред искушением обратиться к чудесам, которые могли бы купить нас, но разгневать при этом Бога Отца. Ты смиренно сдался и принял смерть, обнажив наше примитивное мышление и «величайшую в своей низости» слабость, особенно ярко «сияющую» в борьбе за власть и деньги. Ты снизошёл после всего Святым духом для составления твоими Апостолами и последователями бестселлера на все времена. Но ведь очевидно, что наш критический разум, вкупе с ограниченным сознанием, не в состоянии ни постичь истину в Священном Писании, ни испытать от прочтения пресловутый *катарсис*, вновь вызывающий лукавую улыбку. Ведь подобное познаётся подобным – так вдохновлённое Святым Духом постигается Святым Духом. А для последнего, несмотря на подвиги и подвижничество, души и сердца закрыты, так как ценность кажется эфемерной. Очевидно для Пророка и то, что никакие чудеса не способны изменить наше сознание, которое быстро обратит божественное проявление в шоу, а затем и привычку. Пока существует страсть, мы будем вечными её подданными. Она диктует наши привычки, и в её угоду формируются ценности. При этом страх перед несправедливой жизнью, потерей источника истинной любви и даже карой Божией, только лишь усиливает сладострастное брожение греховного плода, трансформируя опасные фантазии в навязчивые

желания, затем в потребности, и, наконец, в привычку, за которой могут последовать новые вызовы разыгравшихся страстей. Подстать, современная *социально-экономическая «догматика»* дарует нам свой удобный и выгодный *«катехизис»*, позволяющий весьма успешно совмещать в одном гражданине и финансиста, и семьянина, и ученого, и маньяка-сладоэгоиста. Зачем таить греха – мы любим свою Королеву! Оставаясь её верноподданными, мы не претендуем на трон. Парламент, в виде разума, духовенство, в виде совести, и, главное, народ, в виде жажды к жизни – все самозабвенно служат Королеве. Как некая современная утопия, с сознательно проданной в подчинение свободой. То ли *«неодемократия»*, то ли *«неомонархия»*, или, лучше и глубже впадая в заблуждение, скажем *«неомонократия»*. При этом, являясь гражданином этого нового «сверхгосударства», к реальной и легитимной власти относишься уже по остаточному принципу, как к игре, сценарий которой основательно опостылел. Царство Божие же, отправляется куда-то к вопросам общей эрудиции и, соответственно, демагогии.

Кто мы и куда без страсти в современном мире? Этот риторический вопрос, увы, близок идее о том, что и в грехе, и в спасении первенствует женское начало. Возвышение или падение находится в зависимости от понимания и сочувствия женской природы. Её чары, вооружённые нашими заблуждениями, гораздо сильнее влияний пророков и притягательнее незримой свободы. Её дары ошутимее и разумнее мытарств

на пути к Божьему суду. Скажу честно, внемля идеям Достоевского, в лице «бунта» Ивана Карамазова, образ Великого Инквизитора, представляется мне в женском облике.

Как бы там ни было, не обещания страсти, не «делка» с Великим Инквизитором, не скандальный развод мужского и женского начал (не сошлись характерами – с кем не бывает), явились причиной потери истинной любви, стремлений к высшим идеалам и спокойствию мудрости. Всё это непреложные следствия, а источник заблуждений стоит искать в зле, для которого сейчас созданы исключительно благоприятные, привилегированные и даже творчески активные условия. С течением человеческой жизни, страх, как одно из самых пагубных заболеваний, расплзается по всему телу, по всем органам, заставляя маскировать заразу злобой. При этом, по аналогии с медицинской маской, не защищающей окружающих и не исцеляющей нас, а должной служить своеобразным маяком «проходящим судам» – о скрывающемся во тьме тревожной ночи или бушующих страстей страхе, сигнализирует, стремящаяся наружу, трудноскрываемая злоба. Её отец – страх; её мать, извиняюсь – глупость; а сводная сестра – слабость. Родителей, как и родных детей, не выбирают, поэтому, несмотря, по возможности, на «прирученную» слабость, на нас всех лежит колоссальная ответственность начать с самих себя.

Глава II «Ветви дерева»

Неровный, словно впопыхах, вздох перелистнул условную страницу рассуждений, наполнив лёгкие плотным и сырым волнением. Ветер перемен начал свою замысловатую игру на струнах наших жизней. Стоит, порой, приобщиться к этой «неоклассике», и начинаешь слышать, понимать, улавливать первородную музыку – естественные звуки Земли. Ветер, как гениальный маэстро, завладевающий всем пространством и временем, был, как обычно, сложен и гармоничен ритму летнего дождя: порывистое волнение музыкальных интервалов, а также творческое стремление уловить тембр основной тематики произведения, согласно едва морозящим, но увесистым каплям, сменились отстраненным наблюдением из-за угла соседнего строения, а также с высот небесного пьедестала, за оглушительной симфонией лавины воды, обрушившейся на весь городской оркестр: крыши соседствующих домов, поверхности карнизов и листвы деревьев, мостовые и ливневые стоки, шляпы прохожих, причудливых форм зонты и на всё то, что попало мокнущему до нитки прохожему под руку.

Великолепный концерт величайшего режиссёра – природы; на сцене, выстроенной и выстраданной поколениями; со случайной труппой недовольных актёров и застигнутым врасплох оркестром городского хозяйства. Классик своенравен, неподкупен и не замечает никаких наших просьб, мольбы, увещеваний, как бы мы не владели бубном, с какими за-

клинаниями не пускали кровь животных и до каких бы танцев не доходили в трансе или своём безумии. Хоть и доступен прогноз его некоторых выступлений в конце новостных блоков наших информагентств, до сих самых пор, где-то на полянке, в глуши лесной чащи, двенадцать месяцев лукаво и заговорщицки перешептываются вокруг костра... наших страстей. Пламя светит ярко, ведь дров находится ещё великое множество для «благодатного» огня. Да и сама природа пока являет лишь сарказм нашим мятежным душам, иронизирует над ханжеством и обращает в фарс лицемерие, увлѣкшись фривольной игрой с обречѣнной, кажется, жертвой. Между тем, наша связь ещё неразрывна и поучительна. Как же всё-таки природные явления близки и сочувственны человеческим душам, сколь природные циклы соразмерны человеческим характеру и настроению. Справедливости ради, стоит отметить, что не только перспективы погоды, но и весь спектр человеческих эмоций заслуживает, накануне очередного трудового дня, «красотки с указкой», выявляющей зоны, так сказать, повышенного давления. Недаром, проще говоря, индусские мыслители отмечали параллелизм между природой и человеческой жизнью, а камасутра, между тем, по своей сакральности, не уступает почитанию «четырёх стихий» – явления природы могут нам многое пояснить в проявлении нашей жизни.

Признаться, счастлив я московскому дождю. И не то, чтобы он был к лицу нашему городу – нет. Но смывая лишние

слои пыли и макияжа, обнажается натура не только людей, но и всей городской инфраструктуры. Условная защита, в виде надменности, лоска, глянца, пренебрежения, или, напротив, пыльной запущенности и скопившейся неприглядности... слезает, обнажая стыдливую или непознанную наготу. Неисчислимы, в своем динамическом жизненном цикле, капли дождя, словно мириады линз, повышая резкость, делают фигуры людей и города более выраженными, настоящими, честными. При этом для чистоты и полноты «физического эксперимента», сквозь эти линзы необходимо пропустить луч яркого света – а раз у природы, в подобный миг «одолжить» солнце редко получается, на помощь приходят наши «ясные очи», способные по своему потенциалу генерировать, подобную главному источнику, энергию. Конечно же, эта обновленная, хоть и временная, острота и праведность зрения должна быть обращена, в первую очередь на свои пороки, страхи и слабости. Ведь капли, стремящиеся поскорее убраться с наших лбов, ресниц, носов и щёчек, могут вобрать и ухватить с собой не только туш и бронзовую пудру, но и грехи, ошибки, сожаления. Живительная сила воды – с годами, для меня дождь, в зависимости от своей силы, стал искуплением, покаянием и даже, порой, гидом, наставником. Лишь только он, в последнее время, мог даровать мне искреннюю чистую улыбку. Только его замечания, в виде мудрого течения, ослабляли, умиряли болезненную потребность нравиться, смывали и уносили прочь необходи-

мость блеска, признания, состояния. Только вода дарила мне сладостное возвышенное ощущение свободы. А если учесть, что я пока опасаясь поисков святости в московских храмах, альтернативой исповеди я смотрю прогноз погоды.

Дождь прошёл и солнце вступило в свои полномочия, деловито разворачивая в своей канцелярии чистейший и непогрешимый голубой свод. Свод законов и предписаний, охаиваемый людьми, разве что только в невыносимую жару, либо по старой «доброй» традиции критиковать хоть что-нибудь.

Ноги прохожих окутала тёплая пелена испаряющейся влаги, послушно устремившейся наверх, в свою обитель, оставляя после себя заметные последствия весёлого озорства: лужицы, ручейки, рассыпанные повсюду переливающиеся жемчужины, колдовским образом обращающие Москву во владения беспечного богача – филантропа. Более того, всё живое вокруг – нахальные голуби и «общинные» воробьи, дворовые и породистые благородные псы, вместе со своими и просто, самопровозглашенными, хозяевами – весьма однообразными движениями бешеного маятника, но достаточно комичным и художественным образом, подстать Владыки, также разбрасывало драгоценные крупички, в кой-то веки без тени стяжательства, вокруг себя. Временами, даже образуя приметную радугу... расточительства и неприязнительности.

Пожалуй, зафиксировав себе – бескорыстие, щедрость и расточительство могут вызывать радуго. Проверим при случае.

В полной мере не успев насладиться прогулкой в новом царстве благополучия, заметил, как капли стремительно начали испаряться, забирая вместе с собой драгоценные жемчужины, заново пробуждая нужду и возвращая неотъемлемое право быть бедным. Сообразно зашедшее за тучу солнце рассеяло действие чар заклинания. Но никаким облакам уже не разрушить волшебство иллюзии, ведь так хорошо испытывать этот прилив слёзной радости, как некоей гармонии, совокупности чувств. Походка становится свободной и лёгкой, тело перестаёт досажать своими призывными жалобами, а мысль словно разыгравшаяся, со всей непосредственной прелестью, дочь, с журчащим небесной чистотой горного ручейка смехом, увлекает за собой в неведомые, даже ей самой, дали.

«И духом воспаришь к небесной выси» – ощутив эфемерную причастность к происходящему, возник в памяти гуманистический завет поэта Петрарки...

Не щемит уже грудь от далёкой недостижимой красоты, несбыточных надежд, нереализованных амбиций, бесцельно потраченных дней и слов, от проигранных и несыгранных комбинаций. Претензия на счастье трансформируется в надежду и веру в общее счастье, укрепляясь вначале чувством, а затем уже знанием. Именно в такой последовательности. Как же хочется сговориться с Иваном и Алёшей Карамазо-

выми «прежде всего на свете Жизнь полюбить. Жизнь полюбить больше, чем смысл её. Сначала саму жизнь, затем и её смысл».

Ложные потребности формируют заблуждения, создавая целый лабиринт искаженных истин. Плутая в нём не чувствуешь причастности к жизни – цели, задачи и достижения тягостят своей тщетностью, выжигая сакраментальное клеймо на теле человека: «Что-то не то». Надоело быть рабом своих предрассудков – Александр II, прошу тебя, издай новый манифест!

Несколько неприличным высшему обществу, неожиданным дуновением теплого влажного ветра, наш славный город, словно, лениво и как-то уютно зевнул, после чего заботливо и степенно начал окутывать свои любимые улочки и бульвары сумрачной пеленой, не преминув немного подразнить, проучить непоседливые проспекты и вздорные магистрали, демонстративно не замечая их. Женское начало столицы становится наглядным и в кокетливой игре в лучах закатного солнца... Дозволяя уходящему свету прикоснуться на прощание к своим самым выдающимся местам, Москва привязала, приручила к себе этого чувственного любовника, вынуждая являться вновь и вновь. Но предложения руки и сердца (вернее, света и тени) она дождётся едва ли, ведь

сердце «красавца» склонно к изменам. Известно ли Москве обо всех «солнечных» любовницах? Вероятно, да. В таком случае, не будем ей мешать предаваться столь же сладкой, сколь и деловой иллюзии верности. Правда, возвращаясь из очередного путешествия, я до сих пор стыдливо прячу глаза, покрасневшись бронзовым загаром далёких земель.

Москва ревнива, но по-современному наивна, чтобы допускать измены, неловкое обхождение, глупые упреки, нас возвышающий перед падением обман и, наконец, принимать разочарование от совместной жизни за естественную форму «настоящей» любви. Так и терпит первопрестольная нас – «бальзаковских обезьян», неумело, бездумно и бесчувственно играющих на её раритетной бесценной скрипке. Знать себе цену и позволять кощунство; лелеять храмы и плодить бордели; *отдавать* на благотворительность и *тратить* на благотворительность; поддерживать друзей и грубить матери; целовать икону и спастись крепеньким; ощущать низость падения и высшее благородство; «разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения» – Москва Карамазовская, Москва человеческая, Москва наша.

Вся прелесть этого Мира, порой, доступна даже жителям одноименного проспекта – стоит только в определённое вре-

мя суток, перервать сравнительный анализ всевозможных туловищ и допустимых действий с ними, и поднять глаза к небосклону.

Таким образом и мне посчастливилось вовремя отвлечься. Настолько вовремя, что вокруг себя нельзя было разглядеть и тени стыда, несмотря на игру закатного солнца. Поддавшись воле уже новых благодатных побуждений, я, естественно, изменил и маршрут. Следуя уже зову несказуемой красоты, я направился навстречу закату. В низменных попытках разобраться в колорите и магии этого явления, примерив образ ученика Николая Константиновича Рериха, я, деловито подбирая небесную палитру, приближался тем временем к Цветному бульвару. Окрестности которого, как-то сами собой, со временем и объёмным энергетическим пространством, оказались пронизаны бесконечной романтикой. *Романтика, полагаю – это философия любви*. Цветной бульвар же, назову философией Москвы. Река Неглинная, со всеми нечистотами города окольцованная властной трубой, цветочный рынок от которого осталось только одно название, количество питейных заведений, манящих очередное поколение, Цирк, в конце концов – все признаки, одним словом, романтики, а может и семейной жизни.

Закурив любимую сигарету на склоне Сретенского холма, с демонической последовательностью начали вспыхивать то её тлеющий край, то хищнический взор её властелина, попеременно пронизывая ярким эффектом клубы произво-

димого дыма. Так волшебство никотиновой радости погрузило в магическое очарование предсумеречной фантазмагории, превратив незатейливый парк на моём пути в «*секретный сад*», в тайниках которого мог быть спрятан источник последней любви на Земле. И пока блистательные музыканты Брайана Калбертсона чинно готовились исполнить одноименную композицию, среди богемно суетящейся публики нежданного концерта, я смущенно приветствовал неловкими кивками Мари-Анри Бейля, Александра Пушкина, в сопровождении Евгения Боратынского, смеющихся над вечным казусом, преследующим последнего. Знатного дворянина и знаменитого русского поэта «Золотого века» отказывались пускать на сие торжество, посвящённое теме чувственной любви – «Вот-де, в ваших же списках указан только некий *Баратынский*, а Вы назвались не иначе как *Боратынский*. Не шарлатан ли часом какой? Почём нам знать? Напомню, первое правило нашего *клуба* – в любви посторонним не место! Второе – любовь не всем орфографиям покорна. Третье – в любви не существует мелочей, так как любая, едва заметная частность, громадна...». В общем, без поручительства Александра Сергеевича, казус грозил обернуться скандалом, так же как любовь – претенциозной блажью, бездарной прихотью.

Благо, на этом празднике жизни не было места гневливости, зависти, самодовольной глупости, трезвости... За прекрасное самочувствие, обострение мыслей и чувств и свет-

люю похоть противоположных начал, был ответственен напиток путешественников и честных любовников – джин. Если бы не только нации, но и напитки, своими официальными объединениями, отвечали за поддержание и укрепление международного мира и безопасности, развитие и сотрудничество всего и вся (чему, собственно, и так давно служат), то у этого альтернативного ООН, председателем обязан быть выбран именно Джин. Безусловно важно и даже необходимо (с точки зрения благополучия Мира, естественно), дать слово и выслушать каждого члена этой мощной организации, но с лидером и главным идейным вдохновителем мы определились. Напиток бедняков, напиток джентльменов, напиток королевского двора – джин соблюдает интересы каждой «прослойки» общества, каковой и является для смягчения столкновений противоположностей. Он деликатен и строг, красив и силён, весел и сух. Аромат приключений во вкусе и беспристрастная страсть в послевкусии. Джин уникален. Джин умничка. Вероятно, только вооружившись «Dutch Courage» (нидерландской храбростью), в своём «женеверском» прошлом (напиток Женевер), можно было пройти путь от дешёвого пойла, лекарства от малярии, диареи и иных печальных переживаний, до политически активной, всеобъемлющей утопии. Джин, в своём великолепии, сумел достичь эгалитаризма. Государства – нет, напиток – пожалуйста. Слава Джину!

Именно такие лозунги начали разноситься среди этой

фантазмагории, пока счастливые официанты выпускали прекрасных джинов из стеклянных бутылок. Отмечу, что по кодексу нашего *клуба*, роль обслуги, попеременно должен был примерить каждый гость, вне зависимости от размера дарования, капитала, и даже самолюбия. Ведь нет ничего достойней и приятней, чем с уctивым поклоном «врезаться» в благодарную толпу, наперевес с серебряным подносом, наполненным сетами атлантических и тихоокеанских устриц, сбалансированными лаймом и «разносольными» джинами.

Тем временем, красота женщин и оригинальность мужчин, становились всё выразительнее, а формат светского раута, грозил перейти в развесёлый бал. Уточню, для ясности, что именно танцы обуславливают, не только симпатии противоположных полов, но и, собственно, тонкую грань противопоставляющую полноценный бал неубедительному рауту. С другой стороны, ещё более слабая нить, ограждающая вечеринку от оргии, преспокойно висела на своём месте, совершенно, казалось, веруя в свою странную прочность, способную выдержать падение, любой степени тяжести и опьянения, гостя. Благодаря сему обстоятельству, без тени стыдливости и сомнений, я обзавелся соседством и, следственно, любопытной беседой, с очаровательной блондинкой и чарующей брюнеткой. Рассудив при этом, что на чародействующую рыжеволосую красавицу меня бы совершенно точно не хватило, и лучше оставить её более искушенному претенденту, я был крайне доволен новым обществом.

Убедив для начала, как себя самого, так и сих проводниц в мир прекрасного (повторюсь, никакого предвкушения оргии усматривать не позволю), как в своей доброте, так и в том, что давешняя сигарета «на склоне холма», во-первых, не единственная, а во-вторых, несмотря на описываемые события, самая обыкновенная и доступная в большинстве табачных лавок, правда, зачастую в комплекте с чудовищным пророчеством о моей импотенции, либо более терпимой невзгоде. Последнее обстоятельство умиротворило, так сказать, нашу компанию, и мы смогли уже в доверительной и располагающей к интересным открытиям атмосфере, начать поиски истин в теме любви, отвлекаясь только на общие темы обязательных выступлений.

Так за ничем непримечательным вступительным словом, последовал приветственный тост, главной Звезды творческого небосклона. Необходимо отдать должное, как тонко и проникновенно гениальный маэстро русской души, по просьбе организаторов, объединил и любовь к великолепной хозяйке сегодняшнего вечера, и широту возможных страстей, сужающуюся до невозможности, гнётом русской души, и тонкое понимание музыки, как резонанса внутренних «органов» человека:

«Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нём отозвалось!»

«Нет! В Москве всё-таки лучше...» – произнёс, наконец, вечно молодой гений, разрушив нараставшую тревогу, вызванную затянувшимся молчанием, прекрасного, в своём глубоком страдании, Лица – «тут, по крайней мере, во всём других винишь, а себя оправдываешь».

Право, не знаю, была ли основной ценностью данной аллюзии, «обыкновенная» дань уважения трудам великого Достоевского, но даю честное слово, что некоторые из присутствующих ясно «почуяли» суровый намёк на незабытое *преступление* и неизбежное *наказание*. Когда прошлое и настоящее настолько прочно связаны грехом, то «светлому будущему» достаётся только искупление.

Во всяком случае, гениальность не знает порядка и не замечает границ дозволенного. Настроение окружающих не задаёт темпоритм её мыслей, как и звучание общественной морали не аккомпанирует её проявлениям. Гениальность своевольна. Она может зарыть голову в песок, представляя и подставляя действительности весьма характерный и уместный зад, а может, разыгравшись в своей неуязвимости, открыто насиловать, до сих пор не достигшие совершеннолетия и самостоятельности, привычки, мысли и устои нашего общества.

Общее смятение и противоречивость впечатлений от образного мышления поэтической натуры, попытался оттолкнуть атмосферным давлением праздника «любви, красоты и смеха», никак, правда, не узнаваемый мною, ведущий этого стихийного события. Но обязательно представлю его, хотя бы и не именем, а лестной характеристикой. Ведь своей привлекательной персоной этот талант демонстрирует тот редкий случай, когда колоритный артистический образ сливается в своём лицедействе с качественной иронией и уместным сарказмом, за счёт чего пределы дозволенного расширяются до необозримых границ фантазии смельчака, демонстрируя кажущуюся полную творческую свободу. Потенциальное оскорбление превращается в забавное приветствие, банальное унижение – в оригинальное обличение, а едкая пародия – во взаимовыгодную рекламу. Да, к сожалению, или к удобству, потворствуя здравому смыслу и экономике, приходится формировать и поддерживать устойчиво незатейливый вкус современной публики, а самобытность своего дарования растворять в достижениях бесконечных звёзд. Для успеха необходимо быть в тренде.

От таких соображений и оказался я преисполнен сочувствия ведущему и любопытства к «отработке» им необычной публики, осветлённой неповторимыми характерами гениальных творцов, да ещё и в отсутствие привычного «спасательного круга», в виде тренда настоящего времени. Удастся ли ему интуитивно нащупать баланс между деликатностью

и смелостью, в живом потоке тонкого красноречия. Сможет ли самодостаточное снисхождение обернуть признательным удивлением, а тактичное невнимание в увлеченное предвкушение. Не затеряются ли очевидные способности и острота ума, в нежданно проснувшейся мнительности и следственно ощутимой неуместности. Не вмешается ли предвзятость в восприятие своей роли, так часто оставляющая дарование взаперти, словно злая мачеха свою талантливую, но обречённую падчерицу. Конечно, вся эта интрига стала актуальной и занимательной, благодаря безвозмездности оказания услуг сегодняшних героев, предписанной некоммерческим регламентом фестиваля мыслей и чувств.

Мысль создаёт и видоизменяет материю, фантазия служит красоте молодости, а стяжательство обедняет искусство. С таким предписанием, в ожидании вступления ведущего, мы успели ознакомиться в либретто к сегодняшнему вечеру, представлявшее собой опалённые клочки бумаги, предлагаемые гостям угрюмым согбенным старцем, поддерживающим равновесие подвернувшейся под руку кочергой.

Первый тостующий всё не двигался с места ни шагом, ни словом, пребывая в молчаливом созерцании каких-то тайн, либо недосказанных, в свой короткий, но золотой век, истин. Увы любой толпе, какими бы блестящими качествами не обладали индивидуальности, невозможно пребывать в тягостном созерцании, нагнетаемым молчаливым ожиданием. Уровень этических совершенств обратно пропорциона-

лен увеличению людской массы... Как только теряется контроль, давление, управление мыслями и поступками толпы, настоятельно рекомендую уединяться, ибо велик риск возмущенной паники, хаоса, и, как следствие, поиска нового, пусть и безумного, лидера. Грабьте, унижайте, подчиняйте, но управляйте нашей свободой так, чтобы мы были сыты; знали, как, за сколько и на кого трудиться; не имели сил и времени на размышления «о высоком», а только лишь на плотские отдохновения; были умиротворены ясным порядком (вернее, распорядком) вещей и не терзались мыслями о свободе самовыражения... Один умник – это самодостаточная сила. Собери вместе несколько десятков способных голов, они тут же готовы будут подчиниться не самому одаренному человеку и, не дай Бог, гению, за самые примитивные и дешевые блага, но зато свободные от управления и построения коллективной жизни, выстраивания утопического общества, в виду разности взглядов, своенравности характеров и влиятельности настроений. Гораздо сытнее условная, договорная свобода своей профильной деятельности и безусловное прописное обеспечение своих нужд, в счастливой иллюзии, что по крайней мере за себя самого и своих близких, решения принимаются самовольно...

Вот, к слову сказать, яркий пример «неосторожного обращения с толпой», в виде моих нездорово бурлящих желчью размышлений, забродивших в неясном ожидании. По этим самым причинам или предосторожностям, и сей случай по-

требовал, если не «хлеба и зрелищ», то определенного развития обстановки происходящего, некоего лидерства и руководства своей праздности.

Если представить, что общая перемена настроения публички, из-за неясного обвинения, отстраненного созерцания и предпочтения собственных идеалов интересам масс, проделала стремительный путь от солнечного теплого доверительного веселья, до охлаждающего душу пасмурного возмущения, то общая атмосфера стала походить на исландскую *Gluggaveður* – «оконную погоду», философски воспринимаемую островитянами, и раздражительно влияющую на тех, в чьих жилах, по всей видимости, не течёт кровь Викингов.

Не знаю, обязан ли в своем наследии каким-либо варварам, наш примечательный ведущий, но, сколь неожиданным, столь и предсказуемым «гейзерным выбросом», он сумел в один миг обратить внимание и настроение страждущих «туристов», окатив нас тёплыми, слабо минерализованными брызгами интеллектуальных впечатлений:

«Чёрт догадал, Вас, Александр Сергеевич, родиться в России с душой и талантом!» – внушительным глубоким голосом, подавившим волнение, начал испытуемый. – «За что, сказать по правде, мы чувствуем и интуитивно угадываем, свою вину и неблагодарную причастность» – добавил он тихо и, словно, неожиданно для самого себя, начав исповедь. – «Но, явно, Бог внушил нам чтить и понимать оставленное Вами наследие!» – прочувственным, но уже мягким темб-

ром, наконец, заключил свою мысль смелый ведущий.

Раздавшиеся рукоплескания и возбуждённые радостные восклицания, прокатившиеся по вкушающему амфитеатру, стали заслуженным, нервным напряжением и неудовлетворенным терзанием, экстазом. Все переживания, негативные ощущения и позитивные ожидания, неуёмные страсти и жажда их высвобождения, разом окупались и разродились театральной овацией. Атмосфера восторга и раскрепощения. Казалось, не было ничего проще, воспользовавшись экзальтированным состоянием публики, несколькими стеклянными доводами и чередой пенопластовых шуток, превратить «заброшенный склад» любовных исканий в современный «выставочный зал» мастеров флирта и финансистов романтики. А вместо чреватой игры с совестью «отдыхающих», стоило намекнуть всем нам о медицинской здравости пороков и житейской увлекательности страстей. Тогда, гармония кутежа, вмиг, и на весь оставшийся вечер, была бы обеспечена.

Но ведь недаром, мы не стали недооценивать любопытного церемониймейстера!/? Любовь ли к диалектике, наивность ли и утопичность мечтательной натуры, неустанные поиски метафизических истин, искрящаяся ли энергия молодого ума – видимо, всё его естество не позволило сойти с незримого пьедестала, сменив полёт смелых рассуждений на хождение простых истин. Как бы там ни было, в предложенном монологе, прозвучало, наконец, первое неосторожное и

настораживающее «Я»:

– «Для вас, Дорогие Друзья, не станет сюрпризом, тот факт, что по долгу службы, я встречаю и пытаюсь познать множество знаменитых и (чему вы свидетели, и яркий пример) единицы Великих людей...». Необходимо заметить, что взгляд демагога, его мимика и жесты, вся исходящая энергия, не просто сопутствовали спичу, а скорее выступали главными завоевателями спорных территорий в умах и сердцах гостей. Никто не внимал непосредственным словам сих изъяснений, но каждый, казалось, проникался и постигал предлагаемые сомнения. В целом, атмосфера энергетического единения и интеллектуальной свободы предвещала увлекательные игры разума и победу красоты мышления. Пусть и над здравым смыслом. Не только у природы нет плохой погоды, но и при первых признаках красноречия, не стоит прятаться в укрытие своего критического разума.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.